

Рецензии и обзоры

УДК 82.09(510)

DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-4-105-122

Рецензия на издание:

Рифтин Б.Л.

Китайская мифология, фольклор
и роман: избранные труды:

В 2 т. / отв. ред. А.Н. Коробова; Ин-т мировой
литературы им. А.М. Горького,

Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Ин-т Дальнего Востока
РАН, 2022. Т. 1. 567 с.; Т. 2. 415 с.

Анастасия В. Аданькина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, aav1407@ya.ru*

Дата поступления статьи: 26 ноября 2023 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Для цитирования: Аданькина А.В. [Рец.:] Рифтин Б.Л. Китайская мифология, фольклор и роман: избранные труды: В 2 т. / отв. ред. А.Н. Коробова; Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького, Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2022. Т. 1. 567 с.; Т. 2. 415 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2024. Т. 7. № 4. С. 105–122. DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-4-105-122

Book review:
*Riftin B.L. Kitaiskaya mifologiya,
fol'klor i roman: izbrannye trudy:*
V 2 t. [Chinese mythology,
folklore and novel: selected works in 2 vols.] /
ed. by A.N. Korobova; Institut mirovoi literatury
im. A.M. Gor'kogo, Institut Dal'nego Vostoka RAN.
M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2022. Vol. 1. 567 p.;
Vol. 2. 415 p.

Anastasia V. Adankina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
aav1407@ya.ru*

Received: November 26, 2023

Date of publication: December 26, 2024

For citation: Adankina, A.V. (2024), [Book review]: “*Riftin B.L. Kitaiskaya mifologiya, fol'klor i roman: izbrannye trudy: V 2 t. [Chinese mythology, folklore and novel: selected works in 2 vols.] / ed. by A.N. Korobova; Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo, Institut Dal'nego Vostoka RAN. M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2022. Vol. 1. 567 p.; Vol. 2. 415 p.*”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 7, no. 4, pp. 105–122, DOI: 10.28995/2658-5294-2024-7-4-105-122

Двухтомное издание «Китайская мифология, фольклор и роман»¹, вышедшее в середине 2022 г., представляет собой собрание избранных трудов² Бориса Львовича Рифтина. Подготовка сборника началась еще в 2011 г. под руководством самого автора при поддержке Посольства КНР в Москве.

Борис Львович Рифтин (1932–2012) – доктор наук, выдающийся отечественный синолог, литературовед, фольклорист, большую часть жизни проработал в Институте мировой литературы им. Горького РАН (ИМЛИ РАН). Разностороннее изучение культуры Китая было основной сферой исследований Б.Л. Рифтина, но не единственной: за многие годы научной деятельности Борис Львович не раз обращался к пограничным ориенталистским

¹ В редколлегия издания вошли видные деятели в области фольклористики и востоковедения С.Ю. Неклюдов, А.Н. Коробова, С.М. Аникеева.

² Некоторые из них публикуются впервые.

темам – монголистике, японоведению, корееведению, в развитие которых он внес также немалый вклад. Помимо большого количества трудов на русском языке, многие его работы были опубликованы на китайском, японском, вьетнамском, корейском, английском, немецком, венгерском, украинском языках. Б.Л. Рифтин – представитель ленинградской школы китаеведения, был учеником академика В.М. Алексеева, слушал лекции и занимался в семинаре В.Я. Проппа, в сфере сравнительно-типологических исследований мифа, сказки и эпоса на него оказал сильное влияние Е.М. Мелетинский. В том числе благодаря таким учителям круг научных интересов Бориса Львовича был очень широк: от истории русского китаеведения, китайской мифологии и фольклора до китайского лубка *няньхуа*.

Название рецензируемого двухтомника – «Китайская мифология, фольклор и роман» – дает читателю представление об основных направлениях исследований Б.Л. Рифтина, а также достаточно точно раскрывает содержание. В первом томе собраны в основном теоретические работы по восточной литературе, китайской мифологии, фольклору Китая и Центральной Азии, статьи по истории отечественного китаеведения. Помимо авторского текста, разделенного на четыре тематические части, в первый том входят две вводные статьи и список основных научных трудов Б.Л. Рифтина (с 1952 по 2012 г.).

Вводная часть первого тома состоит из двух предисловий. В первом небольшом тексте «От редактора» А.Н. Коробова кратко знакомит читателя с биографией Б.Л. Рифтина, основными направлениями его исследовательской деятельности. Во втором предисловии «О Борисе Львовиче Рифтине» Е.А. Серебряков более подробно описывает биографию и научный путь Бориса Львовича.

В первой главе «Литература» собраны соответствующие тематике статьи Б.Л. Рифтина по типологии и взаимосвязям средневековых литератур, методологии в средневековой литературе Востока, эволюции и сменам системы жанров в литературе китайского Средневековья.

Автор начинает с рассуждения о том, что при переходе из древности в Средние века во многих культурах наблюдался «застой» в развитии литературного творчества, в Китае же в связи с непрерывностью традиции таких проблем не возникало. В этот переходный период меняются прозаические формы: от древних больших текстов (наподобие сочинений о частной жизни императора и его наложницах) к сборникам коротких рассказов о чудесах (на их основе в VI–IX вв. началось становление литературной новеллы). В это же время в Китай начинает проникать буддизм, который

впоследствии оказывает воздействие на средневековую литературу и ее систему. Таким образом закладывается основа для исторического романа и приключенческого романа-путешествия. В Средневековье выделяются некоторые особые жанры: жизнеописания, историческая проза (из нее потом вырастают романы-эпопеи), описания путешествий (формируются из походов паломников-буддистов в Индию).

В связи с развитием городской литературы (городская повесть, роман, драма), для которых характерны простонародные темы, близкий разговорному язык, в XI–XII вв. происходит основанное на языковом критерии разделение литературы на «высокую» и «низкую» («низовую»).

Литературные жанры в Средние века были преимущественно функциональными, проза обычно находилась за рамками официальных жанров. В Новое время произошел кардинальный поворот, периферийное стало центральным – низовые жанры вышли на первый план в литературной системе. В Китае героические эпопеи считались «низким» литературным жанром и находились на периферии системы. Б.Л. Рифтин отмечает типологическое сходство эпоса у многих народов. В средневековом Китае складывалась особая система литературных жанров, ее создатель царевич Сяо Тун (VI в.) расположил их по порядку, начиная с «низких» стихов-цы и поэм-фу, тенденция на выдвижение которых прослеживается все Средневековье.

Рассматривая проблемы типологического анализа, Борис Львович делает вывод о возможности изучения вопросов «частной» типологии. В этом случае предметом сопоставления служат отдельные элементы или явления художественной системы, а исследование может вестись и в асинхронном плане, в отличие от сферы общей типологии.

Автор выделяет различные виды взаимосвязей литератур в Средние века:

- а) старая – старая (отношения равных литератур, имеющих свою «древность»);
- б) молодая – старая (при этих отношениях происходит перенос системы литературы из «старшей» в регионе во «младшую»).

Опираясь на суждение Н.И. Конрада, Б.Л. Рифтин выделил характерную черту взаимосвязи литератур Средневековья: высокоразвитое литературное посредничество связано с тем, что понятие авторства отсутствовало (не было разницы между своими и чужими произведениями) и что в последующем тексты вольно переводились. Существовали языки-посредники (например, китайский), с которых переведенные тексты вновь переводились

уже на другие языки региона (японский, корейский, вьетнамский). Таким образом возник синтез традиций в двуязычной литературной среде, что оказалось особенно важным для близкой к устной традиции средневековой литературы. Автор отмечает особую роль индийской литературы в мировых связях – она подстраивалась под национальные традиции и жанры, была связующим звеном между далекими друг от друга литературами Средневековья.

Обобщая тему типологии и взаимодействия средневековых литератур, Борис Львович указывает, что характерной особенностью укоренения повествовательного произведения на иноземной почве является его местная адаптация, в результате которой меняются идеология, география произведения, названия героев, их социальное положение, атрибуты, но при этом сохраняются основные действия персонажей (сродни функциям В.Я. Проппа).

Рассматривая проблему метода в средневековой литературе Востока применительно к Китаю, Б.Л. Рифтин отмечает, что этот метод затруднительно описать устоявшимися терминами (например, «реализм»), их использование приводит к некорректному сравнению произведений средневековых и современных, подведенных под одно определение.

Китайский роман прошел долгий путь становления: базой литературного развития была поэзия, и только на рубеже эр начали появляться «древние повести» (*гуши* 古事). В средневековье (с III–IV вв.) возникают небольшие «рассказы о чудесах» (*сяошо* 小说), имеющие фольклорную основу. И только к эпохе Тан (VII–IX вв.) рассказы о чудесах объединяются с жизнеописаниями и образуют «танскую литературную новеллу» (*чуаньци* 傳奇). Параллельно развивается и устный сказ, к эпохе Сун (X–XIII вв.) опирающийся на чисто обыденный материал. На основе этого в XIII–XIV вв. появляются «народные книги»: треть страницы занимал рисунок, под ним шел прозаический текст с редкими вкраплениями стихов. В XIV–XV вв. образуются крупные жанры повествовательной прозы: историческая эпопея («Троецарствие»), героическая эпопея («Речные заводы»), фантастическая эпопея («Путешествие на Запад»), бытовой роман («Цзинь, Пинь, Мэй»). Масштабные произведения оказываются тесно связаны с устным сказовым творчеством и письменной литературной традицией.

В китайской литературе с древности сложились особые жанровые формы, согласно которым упорядочивались своды текстов. В древнейшем из таких сводов «Книге историй» фрагменты выделены при помощи «лексических знаков»: *гао* – обращения к народу (вождей к соплеменникам); *ши* – клятва (воинская клятва князя-гуна или правителя-вана); *мин* – приказ (вождей племени или правителей-ванов).

Из «Книги песен» мы узнаем, что в древности китайцы выделяли два вида поэзии, связанные с ритуалом и музыкой: *я* – оды (также является названием древнего музыкального инструмента); *сун* – гимны (тексты, которые изначально были песенно-танцевальными храмовыми представлениями).

Попытку первой классификации книг по жанрам в придворной библиотеке на рубеже эр предпринял Лю Синь (ок. 46 г. до н. э. – 23 г. н. э.), каноновед, библиограф, астроном и математик эпохи Хань. Однако остались лишь сведения о тематике разделов (общие сведения; канонические сочинения; труды философов разных направлений; стихи-ши и оды-фу; военные трактаты; гадательные сочинения; медицинские сочинения).

Только в раннем Средневековье (III–IV вв.) в Китае была определена специфика литературных форм и началась их классификация. Одним из первых китайских теоретиков литературы считается поэт Лу Цзи (261–303 гг.), перечисливший десять основных жанров в своей «Оде изящному слову»: *ши* – стихи; *фу* – поэмы в прозе; *бэй* / *бэйвэнь* – надписи на камне (мемориальные каменные стелы); *лэй* – плач (прославление заслуг умершего); *мин* – надписи на бронзе (предостережения); *чжэнь* – наставления; *сун* – гимн; *лунь* – суждение (два вида: об исторических событиях или по отдельным проблемам); *цзоу* – доклад государю; *шо* – объяснительное суждение, толкование.

Таким образом, под жанрами изящной словесности (*вэнь* 文) понимались как подлинно литературные, так и чисто функциональные формы. Впоследствии предпринималась не одна попытка предложить новую классификацию, вводились поджанры, создавались новые жанры под влиянием конкретных авторитетных текстов, однако проблема отсутствия четких жанровых критериев оставалась. Несмотря на это, тенденция к обособлению художественных жанров была актуальной в Китае до «литературной революции» начала XX в.

Во второй части («Мифология и фольклор») первого тома представлены статьи Б.Л. Рифтина, в которых автор обобщает сведения о китайской мифологии, разбирает образы мифологических персонажей с точки зрения сравнительной мифологии, анализирует китайскую мифологию с использованием сравнительных материалов фольклора народов Юго-Восточной Азии, а также рассматривает особенности образов героев и сюжетов китайских сказок.

Раздел начинается с энциклопедической статьи «Китайская мифология»³, в которой дается общий обзор мифологических

³ Первая публикация – Рифтин Б.Л. Китайская мифология // Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. / гл. ред. М.Л. Титаренко. [Т. 2:] Мифология. Религия. М.: Восточная литература, 2007. С. 16–77.

представлений китайцев, которые складывались под воздействием:

- 1) древнекитайской мифологии (собрана по фрагментам из древних текстов; характерная черта – эвгемеризация мифических персонажей);
- 2) даосской мифологии (на рубеже эр даосизм становится религией, использует древнекитайских мифологических персонажей в своей практике);
- 3) буддийской мифологии (проникла в Китай из Индии в начале нашей эры со своим пантеоном божеств);
- 4) поздней народной мифологии (в Средние века – мифологизация реальных исторических личностей).

Важны время и контекст формирования перечисленных выше «мифологий». Для древнего периода характерна этиологическая тематика мифов, рассказы о различных чудесных существах и отдаленных землях. Даосская и буддистская мифологии сходятся в использовании антропоморфных образов, действующих в повседневной жизни. Даосскую и позднюю народную мифологию объединяет тенденция к мифологизации реальных исторических персонажей.

Далее Б.Л. Рифтин приводит обширные данные из истории изучения китайской мифологии. Российская китаистика оказывается первопроходцем в этой сфере: первой в мире книгой по китайской мифологии стал труд С.М. Георгиевского (1851–1893) «Мифические воззрения и мифы китайцев»⁴, вышедший в 1892 г. Кроме очерков об отечественных исследователях, Б.Л. Рифтин пишет о мировой практике, последовательно рассматривая работы ученых разных стран: «О конфуцианских идолах Яо и Шуне»⁵ Иноуэ Энрѐ (Япония), «Мифы и легенды Китая»⁶ и «Словарь китайской мифологии»⁷ Э.Т. Вернера (Англия), главу «Мифы и легенды» из «Краткой истории китайской художественной прозы»⁸ Лу Синя

⁴ *Георгиевский С.М.* Мифические воззрения и мифы китайцев (с табл. кит. иероглифов). СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. 118 с.

⁵ 堯舜ハ孔教ノ偶像ナル所以ヲ 論ズ [Иноуэ Энрѐ. О конфуцианских идолах Яо и Шуне] // 東洋学芸雑誌 [Журнал культуры и искусств Востока]. 1882. № 9. С. 3–19.

⁶ *Werner E.T.C.* Myths and legends of China. L.: George G. Harrap & Co, 1922. 454 p.

⁷ *Werner E.T.C.* A dictionary of Chinese mythology. Shanghai: Kelly and Walsh, 1932. 672 p.

⁸ 北京大学第一院新潮社|中央编译出版社 [Лу Синь. Краткая история китайской художественной прозы]. Пекин: Бэйцзин дасюэ ди и юаньсинь чаошэ, 1923. 364 с.

(Китай), исследование об отражении мифов и легенд в «Книге исторических преданий»⁹ Анри Масперо (Франция) и др. С 1980-х годов в Китае начинают появляться более глубокие исследования древних мифов, ученые обращаются к современной теории мифа и вопросам их сравнительно-типологического изучения. Как следствие – возникают переводы на китайский язык трудов А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, К. Леви-Стросса.

Б.Л. Рифтин отмечает, что в Китае не бытовали живые предания о мифических героях, однако в 1960-х годах в провинции Сычуань исследователям все же удалось записать несколько устных сюжетов, которые впоследствии были опубликованы в журнале «Миньцзянь вэньсюэ»¹⁰, сопровождаемые вступительной статьей Юань Кэ¹¹ (1916–2001):

- 1) «Как Фуси и Нюйва создали людей» (в нескольких вариантах);
- 3) «Как Фуси научил людей ловить рыбу»;
- 3) «Как Шэньнун травы пробовал»;
- 4) «Как Желтый государь создал одежду»;
- 5) «Бессмертный Великий Шунь»;
- 6) «Побег Чаньэ на луну» (в нескольких вариантах).

Далее Б.Л. Рифтин приводит анализ подобных сюжетов как у самих китайцев и у малых народов Китая, так и в других странах региона. Образы в древнекитайской мифологии базируются на ряде представлений, общих для народов Восточной, Центральной, Юго-Восточной и Южной Азии, в культуре которых они разрабатывались по-разному, но сохранили исходное основание. Так, например, миф о «стрельбе в солнца»¹² в различных вариациях распространен в нескольких районах Китая, у части аустронезийских народов Тайваня, трех народов близкого к Тайваню филиппинского острова Лусон, даяков в Индонезии, ряда народов Восточной Индии, тунгусо-маньчжурских народов нижнего течения Амура – нанайцев и орчей; в сильно трансформированном виде – у монголов.

На основе материалов исследований Вэнь Идо¹³ (1899–1946) Б.Л. Рифтин освещает некоторые вопросы, относящиеся к цент-

⁹ *Maspero H. Légendes mythologiques dans le Chou king // Journal Asiatique. 1924. T. 204. P. 1–100.*

¹⁰ 漫談民間流傳的古代神話 [Юань Кэ. Заметки о древних мифах, распространенных в народе] // 民間文學 [Народное творчество]. 1964. № 3. С. 41–48.

¹¹ Китайский ученый, выдающийся специалист по китайской мифологии.

¹² Специальную статью Б.Л. Рифтина по этой теме см.: [Рифтин 2023].

¹³ Китайский поэт, литературовед, публицист.

ральным китайским мифологическим персонажам (Фуси, Нюйва, Паньгу и др.), с точки зрения современной сравнительной мифологии. В своей работе академик руководствуется методами Вэнь Идо: использует произведения древнекитайской литературы, фольклорные материалы народов Китая, мифы других народов региона, материалы по культуре народов Китая, опубликованные иностранными исследователями, актуальные работы как для филологов, так и для антропологов, фольклористов. Б.Л. Рифтин подчеркивает, что важным в наше время является изучение древней мифологической системы методами сравнительной мифологии на основе современных собранных материалов. В Китае, за неимением эпической традиции, мифы сохранились плохо, небольшие фрагменты их разбросаны по древним книгам, наша же задача – изучить мифологическую систему, реконструированную за прошедший век.

Заключительной в главе о мифологии и фольклоре стала статья «Герои и сюжеты китайских сказок»¹⁴. Работа разделена на 5 тематических частей:

Сказки о животных. Анализируются легенды о календарном животном цикле, этиологические сказки об особенностях животных, внешнем виде, поведении.

Волшебные сказки. Изучаются рассказы о похищении невесты и ее вызволении из иного мира, женитьбе на чудесной жене, сказки о том, как обездоленный герой берет верх над злыми родичами.

Бытовые сказки. Рассматриваются сатирические сказки, где главную роль играют волшебные предметы, спрятанный в сундуке любовник, сказка о глупце, который делает все невпопад, о мудром судье, о посрамлении ученых-сюэаев и др.

Сказы и легенды. Исследуются сказы мастеровых и искателей женьшеня, а также старинные легенды.

Краткая историография китайской сказки. В 1918 г. при Пекинском университете образовалось «Общество изучения китайской народной песни», за ним – различные общества, занимающиеся сбором фольклора. В 20–30-е годы китайские фольклористы опубликовали множество вариантов сказок, а более глубоко сбором сказок занималось образованное в 1950 г. «Общество изучения фольклора Китая».

Рассмотрев главу «Мифология и фольклор», можно сделать вывод о важности концепции Б.Л. Рифтина, которая заключалась в комплексном изучении фольклора Китая, прослеживании свя-

¹⁴ Впервые напечатана как вводная статья к книге «Китайские народные сказки» (Рифтин Б.Л. Герои и сюжеты китайских сказок // Китайские народные сказки. М.: Художественная литература, 1972. С. 5–24).

зей с литературными произведениями и народными верованиями, а также с текстами из других традиций. Исследования в русле данной концепции включают китайскую культуру в мировой дискурс. Подобная методика является универсальной для гуманитарных наук, потому фольклористам, филологам, историкам, философам и т. д. можно рекомендовать иметь ее в виду и при необходимости использовать в своих исследованиях.

В третьей главе «Устное народное творчество Центральной Азии» Б.Л. Рифтин обращается к проблемам изучения биографий исполнителей сказов *бэнсэн улигэр*, а также относящейся к данному жанру проблеме литературно-фольклорных взаимосвязей. Борис Львович рассматривает особенности описания коня в традиции восточномонгольских *хурчи* и его китайские параллели, описание женщины-богатырши в восточномонгольском эпосе. Помимо монгольского материала, в главе содержатся сведения о «неизвестной стране Дунганезии»¹⁵ и ее сказках, выделяются общие темы и сюжеты в фольклоре народов Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока.

Начинается часть статей, основанной на совместном с С.Ю. Неклюдовым исследовании творчества восточномонгольских *хурчи*. *Бэнсэн улигэр* (букв. «книжные сказания») – жанр, исполняемый *хурчи*, сложился на основе монгольского эпоса, а сюжетную основу получил из китайских романов (для Б.Л. Рифтина это еще один пример возникновения специфической литературно-фольклорной традиции). Исследователи выделяют два основных типа восточномонгольских *хурчи* и две свойственных им манеры исполнения *бэнсэн улигэр*:

- 1) спокойная, степенная (отсутствуют игра, перевоплощение в героев, мимика и вспомогательные жесты, главный инструмент – речь, при помощи которой *хурчи* создает в воображении слушателей иллюзию реальности происходящих событий);
- 2) театрализация выступления (подражание голосам героев, громкий хохот, рычание при встрече героя с тигром и т. д.).

К первой манере относится *хурчи* Чойнхор, становлению и творчеству которого посвящена рассматриваемая статья, ко второй – Самбодаш, Цэнд, Лувсан-хурчи, Паджай.

Произведения *бэнсэн улигэр* находятся в сюжетной зависимости от китайских текстов, однако в связи с уровнем этой зависимости выделяются различные типы:

¹⁵ Дунганезия – вымышленная Б.Л. Рифтиным страна. Дунгане – китайский этнос, принявший ислам, проживают в Киргизии, Казахстане, Китае.

- 1) сказы, точно соответствующие по сюжету китайским прототипам;
- 2) тематически связанные с соответствующими китайскими прототипами, но исполняемые с большей долей импровизаций;
- 3) произведения, представляющие собой собственное творчество восточномонгольских хурчи, но являющиеся своеобразным продолжением китайских романов;
- 4) оригинальные сказы, созданные монгольскими сказителями, но связанные своим псевдоисторическим фоном с китайской историей;
- 5) сказы, связанные с монгольским романом «Пять повествований», написанным на темы танской истории;
- 6) полностью оригинальные произведения монгольских хурчи, являющиеся творчеством на современную тему.

Важным фактором для *бэнсэн улигэр* является музыкальное сопровождение. Б.Л. Рифтин и С.Ю. Неклюдов во время экспедиции в Среднеобийский аймак в 1974 г. составили перечень клишированных мелодий, последовательно расположенных согласно композиции сказа:

- 1) вступительная мелодия;
- 2) «Выход государя»;
- 3) мелодия боя;
- 4) «Войско в походе»;
- 5) «Возвращение с победой»;
- 6) «Дума о родной стороне»;
- 7) мелодия плача;
- 8) «Хвала горам (и рекам)»;
- 9) «Быстрое движение»;
- 10) «Медленное движение»;
- 11) «Взгляд с горы на родное кочевье»;
- 12) «Призывания души»;
- 13) «Странствования души»;
- 14) «Дух опускается с гор»;
- 15) смешанные мелодии, специально не прикрепленные к отдельным темам;
- 16) «Хвала барышне»;
- 17) «Женитьба барышни»;
- 18) «Служанка идет по дороге» или «Барышня посылает служанку»;
- 19) «Суд над виновным»;
- 20) мелодия с речитативом;
- 21) заключительная песня (холбо).

Ответить на вопрос о генезисе мелодий собеседники затруднялись, однако очевидным является их монгольское происхождение без влияния китайской культуры.

Таким образом, *бэнсэн улигэр* – особый жанр монгольской народной словесности, сформировавшийся в восточномонгольских областях на основе традиции монгольского героического эпоса и китайской повествовательной литературы и сказа. Вероятно, исполнители *хурчи* использовали сказительские приемы монгольского героического эпоса, вследствие чего в областях распространения *бэнсэн улигэр* могли быть вытеснены произведения собственно монгольской эпики.

Говоря о проблеме соотношения описания коня в традиции восточномонгольских *хурчи* и его китайских параллелях, Б.Л. Рифтин указывает, что, несмотря на сходство описания, трафареты используются различные. *Хурчи* в своих сказах обращаются к готовым устоявшимся шаблонам, в данном случае – описаниям богатырских коней, имеющим собственную национально обусловленную окраску. При исследовании сказаний восточномонгольского эпоса, где действует женщина-богатырша (основные героини цикла – Шэ Тайцзюнь, Му Гуйин, Ян Пайфэн), в связи с особенностями описания действий героини встает вопрос о влиянии театрального искусства на творчество восточномонгольских *хурчи*. Героиня может совершать театрализованные, несвойственные для данного жанра действия: стоять на одной ноге, прыгать, расставлять флаги на боевом помосте, призывать войска при помощи музыкальных инструментов и т. п.

В завершающей части статьи «Общие темы и сюжеты в фольклоре народов Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока» Б.Л. Рифтин показывает необходимость при исследовании народов Сибири и Дальнего Востока использовать материалы соседних зарубежных регионов.

Название заключительной четвертой главы первого тома – «Из истории китаеведения» – заслуживает уточнения, вернее будет назвать ее «Из истории русского китаеведения», так как статьи в ней посвящены исключительно научным изысканиям русских китаеведов. В главе собраны статьи, посвященные русскому китаеведу Дэ Мину (А.И. Кованько), его поездке в Китай и переводу из «Сна в красном тереме», русским переводам китайской литературы в XVIII – первой половине XIX в., судьбе и наследию Константина Скачкова, первому ученому-собирателю картин *няньхуа* В.М. Алексееву, а также новеллам Пу Сунлина (Ляо Чжая, 1640–1715) в переводах В.М. Алексеева.

В первой из статей исследуется личность китаевода Дэ Мина и его перевод романа «Сон в красном тереме». Б.Л. Рифтин

выясняет, кто скрывается под псевдонимом «Достигший просветления» (А.И. Кованько), а также приходит к выводу (основываясь на статье сотрудницы Пекинской библиотеки Ван Линá), что перевод Дэ Мина, вышедший в 1843 г., был первой иностранной публикацией фрагмента из романа.

В России первые переводы китайских текстов начали появляться в 60-х годах XVIII в., зафиксированы они в «Библиографии Китая» П.Е. Скачкова. В основном переводы производились с текстов, уже переведенных на европейские языки, и лишь в XIX в. стали появляться переводы непосредственно с китайского языка. К.А. Скачков, однофамилец упомянутого выше китаеведа, занял особое место в истории русского китаеведения: живя в Китае, он собрал множество книг по различным отраслям знания, что способствовало плодотворному развитию изучения китайской культуры в нашей стране.

Китайские народные «новогодние картинки» (*няньхуа* 年画) можно назвать аналогами русского лубка. Первым русским ученым-собирателем *няньхуа* считается академик В.М. Алексеев, который рассматривал их как материал для изучения быта, верований, преданий и театрального искусства Китая.

Заключительной для первого тома стала статья, посвященная переводам В.М. Алексеева новелл Пу Сунлина (Ляо Чжая). В начале Б.Л. Рифтин приводит краткую биографию и путь становления Пу Сунлина, а после возвращается к теме статьи – предыстории и особенностям метода перевода Василия Михайловича. В конце приводится «Схема главных симптомов ошибочных переводов», состоящая из 11 пунктов и ряда подпунктов, сформулированная В.М. Алексеевым. Б.Л. Рифтин отмечает, что Алексеев всегда следовал своей схеме и старался не совершать указанных ошибок, однако добавляет, что важной особенностью академика как переводчика оказывается его мастерское владение родным языком, позволяющее делать перевод более живым и привносить авторский стиль в художественное повествование.

Данная глава рекомендуется к ознакомлению синологам, специализирующимся в самых различных сферах, так как изучение отечественного китаеведения является важной частью полноценного освоения исследуемого материала и включения в научный дискурс.

Во втором томе содержится переиздание известной монографии Бориса Львовича «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии “Троецарствия”)¹⁶. Как приложение в конце тома публикуется научная работа

¹⁶ Впервые опубликована в 1970 г. [Рифтин 1970].

«Легенды о Гуань-гуне и его культ»¹⁷, переведенная с китайского языка Р.В. Березкиным¹⁸.

Роль предисловия, открывающего второй том, выполняет вводная часть монографии. В ней формулируется основная задача работы – на примере романа-эпопеи «Троецарствие»¹⁹ и его устных вариантов показать взаимовлияние устной фольклорной традиции и книжной словесности на протяжении веков.

В работе Б.Л. Рифтин последовательно доказывает, что в основе китайской исторической эпопеи лежит не только традиция устного прозаического сказа, но и книжная историография – династийные истории, летописные своды. Сюжет «Троецарствия» имеет долгую историю развития и трансформации, Б.Л. Рифтин выделяет пять этапов:

- 1) III/IV–VI/VII вв. – период возникновения и развития отдельных исторических преданий, используемых Чэнь Шоу (233–297), автором «Истории Трех царств»;
- 2) VIII–XII вв. – период оформления отдельных исторических преданий в циклы, составляющие единый сюжет эпического сказа;
- 3) XIII – первая половина XIV в. – период «записи» и первоначальной обработки устных вариантов сюжета анонимным автором народной книги и драматургами, использовавшими отдельные сюжеты цикла в своих пьесах;
- 4) вторая половина XIV в. – период создания Ло Гуаньжуном книжной эпопеи на основе предшествующей устной и письменной традиции;
- 5) XIV – середина XX в. – период сосуществования книжной эпопеи и позднего устного сказа и драмы, испытавших влияние романа «Троецарствие».

От летописи Чэнь Шоу эпопея получила историческую канву, ряд документальных данных и особый стиль лаконичного изложения. Неофициальные сборники периода династии Цзинь (III–V вв.) привнесли в эпопею анекдотические и бытовые эпизоды из жизни героев «Троецарствия». В период Тан (VII–X вв.) создались художественные образы известных исторических деятелей, причем произошло сращение образов с характерными внешними при-

¹⁷ Впервые публикуется на русском языке.

¹⁸ Старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Фуданьского университета (Шанхай, КНР), Института востоковедения РАН.

¹⁹ 三國演義 [«Исторический роман <о> Троецарствии»] – произведение XIV в., повествующее о событиях II–III вв., авторство приписывается Ло Гуаньжуну (1330(4)–1400).

метаами. Записей исторических сказов периода Сун (X–XIII вв.) не сохранилось, однако о их былом существовании можно судить по ныне бытующим *пинхуа* (评话, традиционные устные повествования XVIII–XX вв.). Типологически близким *пинхуа* является литературный жанр «народная книга», в котором также встречались сюжеты о Трех царствах. В текстах народных книг прослеживается дух религиозного синкретизма, связанного с привнесением в период Тан в Китай буддизма из Индии и последующим взаимопроникновением его идей в конфуцианство и даосизм. Принципы как каждого из течений, так и сложившегося синкретического учения впоследствии оказали немалое влияние на формирование сюжета эпопеи.

Несмотря на то что исследуемый Б.Л. Рифтиным китайский устный сказ и основывающаяся на нем литература фактически не являются эпическими произведениями, все же они имеют несколько характерных для эпоса черт: ряд эпических мотивов (например, мотив побратимства), ситуаций (например, поединки с вражеским богатырем).

Герои в народной книге представляются через последовательное описание их частей тела. Эти описания обычно постоянны и не зависят от времени и окружающей обстановки, однако иногда могут иметь некоторые вариации в зависимости от контекста. Если же герой произведения не имеет отношения к потустороннему миру, его описание вовсе не приводится. Эмоции персонажей в основном гиперболизируются, усиливаются посредством добавления к наименованию эмоции, чаще всего иероглифа 大 да – «большой», т. е. «сильный».

Также Б.Л. Рифтин исследует действия героев в двух эпизодах народной книги: невоенном (посещение Лю Бэем мудреца Чжугэ Ляна) и военном (разгром Сяоу Дуня). Автор выделяет пять групп типичных действий:

- 1) связанные с передвижением;
- 2) связанные с феодальным этикетом;
- 3) связанные с речью, зрением, слухом;
- 4) исключительно военные;
- 5) бытовые (наименее употребительные).

Мысли персонажей в народных книгах передаются в виде прямой речи с использованием местоимений 1-го лица. Прямая речь же в народных книгах по Трех царствам включает в себя как книжный, так и устный стиль. Формируется двойственный характер прямой речи: она то строится по литературным нормам *вэньяня*, то складывается в чисто разговорном стиле.

В ходе анализа прозаического сказа Б.Л. Рифтин предлагает выделять «временные / повествовательные интервалы» (дата

и описание случившихся в этот период событий), «узлы» (постоянная величина сказа и книжной эпопеи), «плоскости повествования» (события, происходившие в прошлом, описываются автором с нейтральной позиции; индивидуальная авторская концовка-резюме написана от лица автора и в его времени). Повествование в народной книге в узком смысле слова организуется по временному принципу, в связи с чем Б.Л. Рифтин вводит термин «настоящее время повествования», которое не равно реальному настоящему времени. Это понятие используется для противопоставления зачину – тексту, относящемуся к другому, «стародавнему» времени.

Китайские народные книги, драма и историческая проза, подготовив почву для создания эпопеи «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна, со временем перестают издаваться в связи с угасанием народного интереса. Книжный памятник – эпопея «Троецарствие» – в свою очередь, оказал влияние на поздний прозаический сказ *пинхуа*. Влияние литературы на поздний устный сказ мало изучено, Б.Л. Рифтин стал одним из первопроходцев в исследовании данной проблемы. Эпопея, взращенная на основном цикле сказаний о Трех царствах, стала материалом для народных рассказчиков и драматургов последующих веков, выстраивающих на ее основе пересказы и различные переделки. Сюжет из письменного вновь стал устным, замкнув цикл (фольклор – литература – фольклор).

Исследование «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии “Троецарствия”)» печатается в сопровождении достаточно обширного приложения, в которое входят:

- 1) сравнительные таблицы с описаниями: Лю Бэя в династийной истории, народной книге и книжной эпопее; Цао Цао в династийной истории и книжной эпопее; эпизода «Лечение болезни» в книжной эпопее и поздних устных вариантах; эпизода «Встреча в Гучэне» в народной книге, книжной эпопее и поздних устных вариантах;
- 2) словарь профессиональных терминов, употребляемых рассказчиками повествований – пинхуа;
- 3) библиография.

Как дополнение к переизданной монографии во втором томе впервые публикуется переведенная с китайского работа Б.Л. Рифтина «Легенды о Гуань-гуне и его культ», которая содержит в себе полный обзор исследований на разных языках, посвященных Гуань-гуну, анализ легенд о его рождении, чудесах, храмах, атрибутах (мече Синего дракона и коне Красный заяц), а также верованиях в Гуань-гуна и легендах о нем у малых народностей Китая и в соседних странах азиатского региона.

Подытоживая рассмотрение этого фундаментального сборника трудов Б.Л. Рифтина, стоит отметить, что приведенные в нем идеи и методики являются новаторскими, академик своими изысканиями продвинул синологию далеко вперед в вопросе изучения взаимовлияния мифологии, фольклора и литературы. Почерпнув у академика В.М. Алексеева принцип комплексного изучения литературы и фольклора, Б.Л. Рифтин приложил его к исследованию мифологических, сказочных и эпических традиций Китая, воспользовавшись при этом как аналитическими приемами русской фольклористики, которые он усвоил от Е.М. Мелетинского, так и сравнительно-типологическим методом В.Я. Проппа.

Двухтомник «Китайская мифология, фольклор и роман» окажется полезен не только фольклористам, но и филологам, китаеведам, историкам, культурологам и т. д., так как в нем комплексно анализируются китайские фольклор, мифология, литература, история их формирования локально и в сравнении с другими мировыми традициями. Я могу рекомендовать к прочтению данный сборник как студентам, так и уже сложившимся исследователям, которые обязательно почерпнут ряд идей для своих научных изысканий.

Литература

- Рифтин 1970 – *Рифтин Б.Л.* Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии «Троецарствия») / отв. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Наука, 1970. 482 с.
- Рифтин 2023 – *Рифтин Б.Л.* Сравнительный анализ легенды о стрелке по солнцу: от Амура до Тайваня // *Фольклор: структура, типология, семиотика*. 2023. Т. 6. № 4. С. 14–50.

References

- Riftin, B.L. (1970), *Istoricheskaya epopeya i fol'klornaya traditsiya v Kitae (Ustnye i knizhnye versii 'Troetsarstviya')* [Historical epic and folklore tradition in China (Oral and book versions of “The Three Kingdoms”)], Nauka, Moscow, USSR.
- Riftin, B.L. (2023), “Comparative analysis of the legend of the shooter on the sun: from the Amur to Taiwan”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 6, no. 4, pp. 14–50.

Информация об авторе

Анастасия В. Аданькина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; aav1407@ya.ru

ORCID ID: 0009-0009-8997-252X

Information about the author

Anastasia V. Adankina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; aav1407@ya.ru

ORCID ID: 0009-0009-8997-252X